

DOI 10.5862/JHSS.227.15
УДК 141.3

А.А. Мельниченко

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ УЧРЕЖДЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА

В статье развивается социально-феноменологический подход к исследованию интересующих практик. Исследуются семантические слои коммуникативной реальности социума, скрытые в повседневности за привычным употреблением языка. Рассмотрены проекты философии языка и следствия языкового поворота в современной философии. Выявляются концептуальные средства онтологического, экзистенциального и семиотического сценариев учреждения жизненного мира. Специфика онтологического концептуального слоя языка связывается с выражением логоса как единства мышления и бытия; специфика номинативного слоя языка – с указательными аффективно-эмотивными процедурами, мотивирующими актуальную импульсивную реакцию. Специфика символического концептуального слоя связывается с синтезом преданности и очевидности в поле индивидуального сознания. Подчеркивается ускользающая в дискурсивной практике сторона символического, имеющая отношение к сакральным срезам повседневного опыта. Выделена проблема семиотической феноменальности, фиксирующая односторонность номинативного и недостаточность ноэмотивного слоев дискурса в конституировании жизненного мира. Показано, что символический слой реальности требует выработки особых аналитических сценариев.

ЖИЗНЕННЫЙ МИР; ИНТЕРСУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ; СОЦИУМ; КОММУНИКАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ; ЯЗЫК; СИМВОЛИЧЕСКОЕ; КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЗНАНИЯ; СПОСОБЫ ПРИДАНИЯ СМЫСЛОВ.

В XX веке философия активно принимает тематизировать язык как таковой, анализируя его в широком аспекте конструирования социальной реальности, выходящем за пределы лингвистики. С 20-х годов XX века это характерно для аналитической философии. В 1967 году появляется текст с символическим названием «The Linguistic Turn» («Языковой поворот») под редакцией Р. Рорти, где были собраны работы философов (в основном американских) о языке и фиксировались основные направления: лингвистическая философия и философия языка [1]. На континенте языковой поворот в философии выражался в многообразных попытках тематизировать выразительные, идентификационные, интересующие практики и опыты индивидуума. Это выразилось в экзистенциальных, онтологических, трансцендентально-семиотических, а также в многообразных психоаналитических проектах, представленных в различных течениях – от стуктурализма до постструктурализ-

ма. Всё это позволяет говорить о явном форсированном повороте интереса к семиотической феноменальности.

А.Ф. Лосев предполагал, что интерес философии к языку как к сфере выразительной, семиотической происходит в ситуации потери интереса к бытию, в состоянии забвения или «отката» бытия: «Ослабление онтологических интересов всегда толкало философскую мысль к анализу иных внеонтических сфер, а такой сферой является прежде всего вся стихия выражения и выразительности» [2, с. 34].

В этом смысле современный концептуальный уровень, эпистема, если пользоваться терминологией Фуко, наукообразный дискурс – это как раз такая ситуация «отрыва» языка от бытийности и от опыта воли и мышления личности. Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» делает предположение, что язык – это то, что лежит по ту сторону разума и воли [3, с. 52]. По сути, это становится конгениальной идеей XX века.

Цель данной статьи — анализ семиотических форм, в частности языка, в социально-феноменологическом аспекте продуцирования скрытых и явных интересубъективных практик учреждения жизненного мира через придание смыслов и конструирование сознания.

Аналитика языкового слоя в его диахронической перспективе обнаруживает своеобразные тектонические сдвиги, смещения и расколы в семиотических сценариях, в способах придания смыслов, акцентуирования и изменения зон выделенности, видимости и способов видения, письма, чтения.

В античности понятие «логос» (λόγος) — это многомерный онтологический комплекс. Это, по сути, неперебиваемое понятие. Когда Аристотель в «Физике», в книге В, пишет «ἢ μορφῆ καὶ τὸ εἶδος τὸ κατὰ τὸν λόγον», — это переводится на современный концептуальный уровень как один из способов определения природы — «природа как форма и вид согласно определению». Но даже примерно понять такой перевод невозможно. Понимание недоступно. И здесь не только виновата модернизация как «уплощение», «объективация» архаических концептов «эйдос», «логос», «морфэ». Здесь произошли трансформация онтологических структурностей, изменение мифопоэтических процедур в Истории. Конечно, можно говорить о том, что греческий язык странный по природе, вероятно, единственный язык, в котором понятия «мышление» и «язык» семантически сливаются в одном узусе «логос» [4, с. 104–115].

Пытаться однозначно перевести λόγος невозможно. Это и язык, и мышление, и речь, и определение, и порядок. Логос — это и бытие, если вспомнить «огненный логос» Гераклита и стоиков.

Еще один пример в Евангелии от Иоанна. В первой главе, в первом стихе, читаем: «ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος» [5]. Если буквально перевести этот текст, получится: «В начале был Логос, Логос был у Бога, и Бог был Логос». Но понять, что логос — это некий язык, который есть у Бога, которым Он «пользуется», — это неверно. Здесь явно выражен изоморфизм синтаксисов Бога, мышления, языка — некий онтологический «комплект», многоярусное образование.

Можно сказать, что в архаической размерности язык — это бытие мысли, это нераздели-

мый логос. И такая ситуация продолжалась до Нового времени, когда постепенно осознавался факт «смерти Бога», что запустило уже разнонаправленные сценарии с автономными логосами, которые утверждаются в каждом регионе реальности на собственных основаниях. Синтаксис логоса пытаются воспроизвести как логос человека в разнообразных опытах.

В работе «Истина и метод» Гадамер пишет, что язык подобен некоей бессознательной размерности [6]. В примерно такой же формулировке это положение можно обнаружить у К. Леви-Стросса (язык как семиотическое бессознательное) [7, с. 211–212] и у Ж. Лакана (бессознательное структурировано как язык) [8, с. 17]. Язык становится автономным, в том смысле, что автономность — способность учреждать собственные нормативности, т. е. способность давать самому себе законы. Создается странное впечатление, будто язык вырвался на волю.

Сюда же можно отнести и жесткий тезис М. Хайдеггера о языке, разворачивающемся на собственном основании: «die Sprache spricht» — точный перевод на русский язык невозможен, но примерно перевести можно как «язык говорит». Важно, что язык говорит не о чем-то, язык говорит сам [9, с. 19].

До некоторой степени похожий тезис об автономности можно видеть еще у И. Канта — там это принцип чистого разума, чистого мышления [10, с. 32]. То же у М. Лютера, у которого мышление требует точности, чистоты, свободы, иначе «нами будет играть дьявол» [11]. Именно поэтому нельзя в опыт чистого философского мышления инвестировать политические или религиозные потоки, иначе это будет уже идеология, теология, политология, социология, но это уже не будет философия как автономная способность полагать из опыта чистого мышления «свое Я», мир, находить «свой» путь к бытию.

Если для античного сознания «язык как бессознательное» — это оксюморон, для современности язык — автономная реальность, и раскол между языком и мышлением — это норма.

Ситуация современности — это уход «Я» из языка. Из языка уходит ответственное слово, обладающее хозяином. Отсюда же и появившаяся с XIX века необходимость «закрепления» слов нотариусами. Так называемые солиситоры, стряпчие с функциями нотариуса, появляются уже в конце XVIII века. Они появляются как

социальный пласт служащих, фиксирующих и заверяющих «документально» авторство слов. Не задокументированное слово, не привязанное к «Я» письменным «следом» заверения, — слово необязательное, безответственное — за него некому отвечать, и, главное, не будет возможности «вменить» или «привязать» это слово субъекту как субъектную хронику сюжета какого-либо волеизъявления. Сказать теперь можно все, что угодно, ведь язык теперь автономен.

Условия и причины такого события описаны в замечательном произведении М. Фуко «Слова и вещи», где речь идет о том, что в связи со «смертью Абсолюта» с конца XVIII века каждый домен реальности начинает конституироваться, разворачиваться по собственным логикам, поскольку синтаксис логоса больше не является синтаксисом Бога, как прежде.

Язык теперь обладает собственным синтаксисом, он автономен. На первый взгляд кажется странным тезис Ф. де Соссюра, что развитие и история языка не зависят ни от культуры, ни от политики, ни от экономики, ни от географии и т. д. Но это странно для комплекса так называемых Cultural studies, культурологий, культурных антропологий, Kulturwissenschaft, поскольку в этих дисциплинах главными, основными факторами считают «контекстуальности» — внешние условия, географические, исторические и другие подобные факторы. Тезис, что язык разворачивается на собственных основаниях, — это кардинально противоположный тезис.

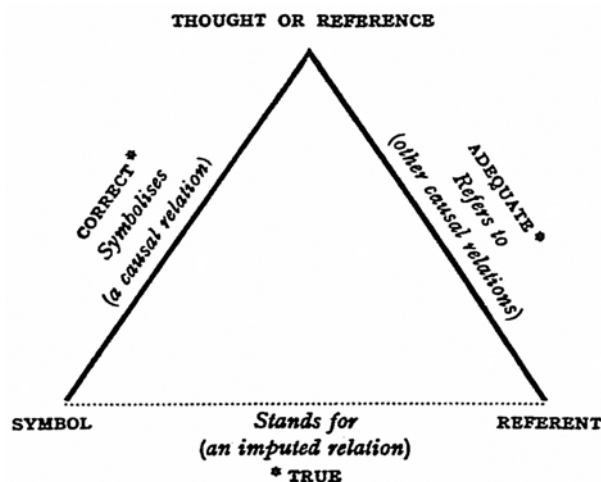
Многообразие дискурсивных маршрутов, эпистемологических захватов жизненного мира, разворачивание повсюду процедур превращения всей феноменальности мира в Знание привело концептуальный уровень Языка в очень узкий, указательно-референсный слой, лишенный некой вертикальной глубины. В ситуации, когда дискурсивный способ выражения становится номинативной размерностью без автора или даже без субъекта, можно говорить о распаде единства бытия, мышления и языка. Такая ситуация описывается в терминах психиатрии как раскол сознания, т. е. как форма шизофрении в неклиническом, буквальном понимании.

Современный концептуальный уровень языка номинативен, дискурсивен. Язык в общем смысле — это инструмент выражения, указания, номинации, референции, индексации и т. д.

Семиотические формации, которые собраны в одном понятии «язык», проецируются на концептуальные и дискурсивные плоскости как текст или как номинативный, семиотический, референсный инструмент.

Номинативный слой языка включается в круг социально-философской проблематики. Возникшее еще в XVIII веке движение «идеологов» (Э.Б. де Кондильяк, Д. де Траси, П. Кабанис, К. Вольней, П. Ларомигьер [12]) вводит в поле философии проект науки с названием «идеология», имеющей предметом изучения идеи (в широком смысле — фактов сознания), их свойства, законы, отношения со знаками, которые их представляют, и, в особенности, их происхождение. Логическая схема, предложенная этим движением, становится известной и окончательно входит в интеллектуальное поле только в 1923 году в работе «The Meaning of Meaning» (Ogden C.K., Richards I.A. [13]). Схема становится известна миру почему-то в кодировке «семиотический треугольник Огдена и Ричардса» (см. рисунок).

В англосаксонском мире номинативная, указательная, дискриптивная, референсная функции языка рассматривались как основные. Язык — это номинативный слой реальности, в который мы погружены. Развитие этой логики в американском интеллектуальном пространстве придало феноменологии бихевиористического подхода новую интерпретацию, в которой язык, как и вся феноменальность поведения челове-

«Семиотический треугольник»:
 Слово — Понятие — Вещь

ка, заменяется на простую функциональную парную структуру «стимул – реакция» [14].

Язык, пространство, поза, жесты, мимика, предметы и т. д. – всё это стимулы, которые заставляют, стимулируют, формируют поведение как ответ-реакцию на стимул (в раннем варианте – именно «реакция», позже терминологию смягчили до «ответа»).

Всё в опыте является стимулом, отсюда всё в первую очередь должно рассматриваться с позиций аффективности (от *лат.* *afficere* – причинять, влиять, наделять, воздействовать).

Таким образом, язык и вообще всё сущее связано с аффективным полем, с аффективными оболочками вещей. Логика этой стратегии заключается в том, что сами по себе вещи не представляют интереса как таковые. Важно только то, как они аффицируют, как они влияют на субъекта, чем они аффицируют его. Поэтому рекламные ходы, например «купи такой-то товар, если хочешь стать лидером», вполне практичны с точки зрения данного подхода. Важность семиотической или рациональной связанности в рекламных слоганах полностью девальвируется, здесь могут соседствовать и Pilsner Urquelle, и Артур Шопенгауэр (как в рекламе пива).

Предлагаются не вещи и товары, но сценарии для самоидентификации, поскольку приобретаются не сами вещи, но аффективно-эмотивный образ или, по сути, переживание.

Номинативный слой отсылает лишь к некоторым аффицирующим точкам вещей, которые, в свою очередь, выступают как стимулы для ответных действий субъекта – для эмотивных реакций, для «аффицирования души».

В этом срезе социальной реальности приоритетным принципом языкового воздействия на человека выступает актуальность переживания и импульсивность действия «здесь и теперь». Интерсубъективная практика хорошо представлена опытом производства письменного чтения, например, новостных сайтов, блогов, форумов, видеороликов, желтой прессы, женских романов, детективов, происходит только «здесь и теперь» как переживание в онлайн-режиме. Такое переживание не формирует опыта, не создает временную конструкцию прошлого, не инвестирует стратегии в опыт сознания. Можно прочитать современный детектив или посмотреть на каком-нибудь сайте эффектный

видеоряд, и об этом через три часа уже можно забыть навсегда, причем через некоторое время можно снова переживать те же ощущения от той же самой номинативной информации.

Переживание номинативности – это усеченная темпоральная конструкция сознания. В книге В. Беньямина «Бодлер» [15] речь идет как раз о смерти опыта в современном определении подобного среза языка. Речь идет о том, что у нас сегодня больше нет возможности получить некий опыт как усваиваемое пространство смыслов, осталось только переживание. В современности важно быть «современным» и как можно более актуалистичным, т. е. переживания надо успевать прожить в актуальном, оставаться «со временем», отбрасывая все «пережитое» в кюветы и обочины магистральной трассы прогрессирующего «настоящего».

Опыт, напротив, всегда предполагает формирование некой темпоральной структуры, которая способна конституировать ноэматические формы временности, «упаковывать» этот опыт и производить его селекцию. Инвестиция опытов в потоки сознания в разнообразных «пассивных синтезах и генезисах», выражаясь терминами Э. Гуссерля, для формирования условий видения и восприятия настоящего подготавливает и условие возможности встречи определенного настоящего из будущего. Инвестиция опытов конструирует преданности сознательной сферы субъекта.

Однако переживания номинативности заканчиваются сразу после потребления, они одномерны и не способны синтезировать такого рода структурности, они не инвестируют в опыт «Я» никаких стратегий. Это язык СМС, чатов, блогов и т. д. Номиналистичные переживания быстротечны, и поэтому требуется постоянное возобновление и реактуализация переживания.

Отсюда гонка за переживаниями, выражающаяся в стремлении к удовольствиям. Отсюда производство новых удовольствий и новых способов использования этих удовольствий, но отсюда же и страдание от «нехватки». Отсюда понятна и очевидна сущность феномена моды. Таков номинативный характер нашей реальности или реальности новоевропейского типа общества, конструирование которой осуществляется с помощью языка масс-медиа.

Номинативный характер языка масс-медиа определяет язык массового общества, выстраи-

вает особый способ высказываний о мире. Определением мира как реальности для номинативного слоя языка является «окружающая среда», которая воспринимается на уровне тактильности. Действительность представляется как то, что видит глаз и до чего можно дотянуться рукой. В определенном смысле «окружающая среда» — это биологическое определение, указывающее на современную ситуацию восприятия «Мира» по-биологически, по-животному.

Главной функцией сознания в обслуживании номиналистичного слоя языка является, скорее, не познание, а опознание как резонирование с *sensus communis*, со «здравым смыслом», с ощущением и чувством правильности, нормы. И тут характерно, что в понятии «*sensus*» в большинстве языков Европы семантически слиты значения «чувство» и «мысль». Причем больше именно «чувства». И когда речь заходит о смысле или бессмысленности какого-то события, имеется в виду именно *ощущение* значимости, но не смысл. Отметим, что в русском языке такое слияние в принципе невозможно, поскольку «смысл» резонирует со значением «мысль», но не с «чувством». Однако номинативное давление языка масс-медиа сглаживает и редуцирует все смыслы к чувствам. Для конструирования представлений на уровне массового сознания не важен смысл, поскольку всё решает реакция как ответ на стимул.

Номинативный срез языка и реальности предполагает такую конфигурацию субъектной формы «Я», у которой имеются хорошие реакции, автоматические ответы на определенные стимулы, быстрое опознание и распознавание. Все номиналистичные феномены синонимичны, связанность этих феноменов носит лишь аффективно-эмотивный характер. Чем случайнее сплетения феноменов, чем необычнее и оригинальнее, тем «креативнее» пиар-деятельность, тем эффективнее вид этой связанности в плане воздействия на сознание и реакцию индивида.

Эффективность практики конструирования мира как окружающей среды средствами масс-медиа видим прежде всего на примере новостных каналов и сайтов в Интернете, где вся многообразная событийность представлена сразу: политические новости, религиозные праздники, убийства и теракты, культурные события, дизайн и реклама, позиции на фондовом рынке, статистика футбольных команд и т. п.

Осмысление мира с позиций активного смыслополагания, обеспечивающего инвестирование опыта в «мое собственное», в поле жизни сознания «Эго», осуществляется в иной размерности — на ноэватическом уровне (от *греч.* νόημα — мысль).

Ноэватический уровень языка предполагает иную социальную феноменологию и иной характер интерсубъективной практики в учреждении жизненного мира. Уже из первой критики И. Канта («Критика чистого разума») очевидно, что одна из граней семиотического треугольника, а именно грань «вещь — представление» или «referent — thought of referent» совсем не так линейна и однозначна, как представляется семиотической схемой треугольника Огдена — Ричардса [10].

Другой взгляд на язык предлагает, например, В. Гумбольдт, который определяет язык как волю нации: «язык представляет собой саму нацию» [16, с. 324–326]. И.Г. Фихте в «Речи к немецкой нации» говорит о «сверхчувственном» слое в языке [17, с. 114–118].

Но и для стандартного семиотического (*general semiotics*) представления становится очевидно, что грани семиотического треугольника теряют прозрачность. Семиотическая репрезентативная конструкция, изображающая язык как номинацию, индексное представление в виде семиотического треугольника, трансформируется в процесс бесконечного семиозиса, где «референт», или «вещь», или «означаемое», вообще теряют объективность и исчезают из процесса означивания, осмысливания и «передачи информации». Определенность сущего не заключается в одном означающем, а требует бесконечного процесса означивания. Например, как одним знаком или набором слов определить, что такое «Я», или «мир»? Эта проблема семиотической феноменологии проявляется уже в логической операции определения понятия и распространении в современной литературе понятия *репрезентация*.

Репрезентация, номинация, или индексация (от *лат.* index — указательный палец) — это такой способ видения мира, такой слой языка, который выражается в соответствиях, но не создает смысловое пространство.

Аналитика «смысла» в первую очередь выявляет тот факт, что смыслы несут в себе императивность и интенсивность. Смысл всегда

предполагает сцепление с мыслью, вызывающее акт понимания. Для понимания требуется предпринять некое усилие, произвести «квант воли». Судя по всему, нельзя воспринимать и трактовать «смысл» лишь как объект родовидового ряда какой-либо классификации. Скорее, более уместно понимать «смысл» как прежде всего энергичность, как интенсивное образование в аристотелевском смысле (*др.-греч.* ἐνέργεια — от ἐν (в) и ἔργον (работа, осуществление) — обладание силой, напряженность, внутренняя мощь).

Для того чтобы понять, «вобрать» некий смысл, необходимо ощутить эту самую смысловую напряженность, интенсивность, энергичность, т. е. для понимания требуется сгенерировать свою собственную понятийность с изоморфной смыслу конфигурацией, выраженной в воле к пониманию, попытаться вызвать резонанс волевым актом мышления, иначе понимание не состоится. Однако именно на этом уровне понимания возможно учреждение жизненного мира человека и социума как мира интересубъективности.

«Мир» — одно из самых неочевидных понятий, с которыми «встречается» сознание («встреча» в смысле фундаментальной онтологии, как касание двух разнородных форм бытия), но именно ноэматическая страта позволяет учреждать, конституировать мир как интересубъективное измерение.

Эта неочевидность вынуждает Канта в первой критике «забросить» мир в зону трансцендентального разума. Мир у Канта, таким образом, — это некая трансцендентальная идея, которая не может быть дана в опыте, как стол или стул. В третьей критике, в параграфе 59 «О красоте как символе нравственности», становится очевидно, что мир как трансцендентальная идея дается только символически [18, с. 373–377].

Для понимания мира как трансцендентальной идеи не существует даже трансцендентальной схемы, т. е. нет даже какой-либо структуры понимания мира. Коснуться мира можно только символическим способом. У Канта символическое в некоем смысле изоморфно ноэматическому у Гуссерля, если учитывать предложенный Кантом аналогический характер символического и этимологию термина «аналогия» (*греч.* ἀνάλογος — соразмерный, соответ-

ственный — от ἀνά — по, сообразно + λόγος — разум, смысл, слово и т. д.).

Этот уровень позволяет говорить о таком срезе языка, чтения, письма, где в отличие от номинативного среза уже возможна генерация смысла. Здесь чтение, письмо, язык уже не являются опознанием или распознаванием. Мир интересубъективности требует усилий и инвестиций воли и опыта для понимания и выстраивания гносеологических стратегий.

Поскольку в данном ноэматическом измерении мир не может быть лишен этосного (от *греч.* ἦθος — нрав, характер, душевный склад) измерения, в параграфе 87 «О моральном доказательстве бытия Бога» Кант показывает, каким образом трансцендентальная идея создает нравственное сознание, т. е. сознание моральное по своей сути [Там же. С. 482–489]. Таким образом, конструируется само условие возможности интересубъективности, условие возможности понимания, базирующееся на основании этосной развертки, моральной, по сути.

Другой вариант разворачивания интересубъективности можно проследить также в проекте трансцендентальной феноменологии. У позднего Гуссерля проблема учреждения мира и интересубъективности становится фундаментальной. Огромный пласт, посвященный проблеме конституирования интересубъективного мира и Lebenswelt (жизненного мира) находится в V размышлении («Картезианские размышления») и в его последней, незаконченной работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная философия», где речь идет о формировании интересубъективности. «Проблема Другого связана с проблемой объективного мира, т. е. мира, общего для каждого, — интересубъективного мира», — подчеркивает Гуссерль [19, с. 188, 190].

Для того чтобы понять, как в сознании конституируются *Другие* и интересубъективный мир, следует провести специфическую редукцию, «выключающую» эти образования и сводящую опыт к сфере «моего собственного» — к «первопорядковому миру». В результате остается плоть (не тело в физическом смысле, а живое тело — Leib, аффицирующее, психофизическое единство), которая оформляется как осмысленное тело, обретая смысловое звучание и значение в ходе тематической редукции. *Другой* также дается чистому сознанию по уровням ноэматических конституирований

феноменов, начиная с тела *Другого*, оформленного смыслами и значениями «живого тела», изоморфного «моему».

Далее путем «аналогической апперцепции», так же как и «мое тело», в первопорядковый мир посредством синтезов и генезисов помещается апперцепция Другого (так же в первопорядковом мире): «...Это находящееся „там” и принадлежащее моей сфере природное тело благодаря ассоциации, образующей пару с моим живым телом и психофизически правящим в нем Я, апперцепирует в конституированной мной первопорядковой природе другое Я» [19, с. 231–232].

Учреждение мира интересубъективности осуществляется следующим образом. На основе сконструированного первопорядкового мира и его имманентно данной первопорядковой трансцендентности активными и пассивными синтезами и генезисами учреждаются высшие интересубъективные смыслы. Следуя Гуссерлю, далее посредством универсальных и объективных свойств природной казуальности, форм временности и пространственности формируется объективная трансцендентность как объективный мир. «Трансцендентальная интересубъективность конституирует объективный мир, принадлежащий ей как имманентная трансцендентность, так же как и первопорядковый мир, на первом этапе, конституирует имманентную трансцендентность. Единое поле смыслов позволяет создавать высшую форму интересубъективности» [Там же. С. 135–139].

По своей структуре интересубъективность является трансформированным первопорядковым миром, который становится феноменом «чужого», объективного мира, включающим и «мое ego» и ego Других. Причем конституируется не отдельно Другой, а именно сообщество Других, которое и составляет объективный мир.

Единство объективного мира на более высоком уровне аналогичными шагами конституирует интересубъективность культуры и, в итоге, «единство объективного мира» как единство природы, пространства и времени.

Ноэматикический слой историчен. Культура и время входят в него как смыслы, как преданность и как заданность. Генезисы и синтезы смыслов могут осуществляться в пассивном режиме, по ту сторону сознания и «Я», но всё, что было пассивно, актуализируется осмыслением

и выбрасывается в поле сознания «Я». «Всё, что построено активно, необходимо предполагает на более глубоком уровне пассивность, которая получает объект как преданный», — отмечает Гуссерль [20, с. 76].

Таким образом, по Гуссерлю, социальную реальность как объективный мир характеризует только интересубъективность как единое поле смыслов.

Акцентирование роли семиотической реальности в конструировании интересубъективности связано с процессом понимания и придания смысла, наиболее явно выраженным практиками чтения-письма, практиками идентификации, которые опираются на номинативный срез массовой культуры и массовой коммуникации, а также на ноэматикические развертки, генерирующие и «провоцирующие» смыслы и условия возможности интеллектуальных актов и селекцию опытов. В результате получаем достаточно емкое представление о социально-феноменологическом характере языка и его практической роли в учреждении жизненного мира человека и социума.

Однако не всё, что можно назвать реальностью, трансформируется, конвертируется в «знание» через номинацию или через ноэматикически-ноэзисные процедуры. Процессы понимания и придания смысла оказываются более сложными. В любом языке можно обнаружить некую архаику, часто выраженную в этимологии слов, значение которых забыто или не лежит на поверхности. На существование иных практик придания смыслов указывают такие понятия, как «сакральное», «миф», «культ», «ритуал», «обряд», «символ». В практике повседневности они не утрачивают актуальности, но их своеобразная интенсивность вызывает постоянные сбои идентификации и всевозможные провокации или турбулентности в дискурсивных текстуальных «машинах».

Сами смыслы этих понятий не имеют четкой референции, опознание и реагирование в отношении них срабатывают неточно, они неоднозначно обслуживаются реакциями «здорового смысла». Как правило, символическое — это то, что у всех на языке, но никто об этом не говорит. Мифические, символические домены всегда преданы и заданы пассивными синтезами и генезисами и проявляют себя лишь плоскими проекциями и выбросами в смысло-

вое поле сознания «Я» в обрамлениях экзистентных сюжетов, в трансформациях телесности и конфигурации полей видимости, в готовности принятия к проживанию тех или иных жизненных стратегий и ценностных «очевидностей».

С точки зрения Ж. Лакана, символическое — это образы, организующие «структуру тех отношений, которые возникают между Umwelt и Innenwelt на их границе» [8, с. 50].

Символическое проступает во всех описанных выше (номинативный и ноэватический) срезах с разной степенью феноменальной данности и энергийной интенсивности, в зависимости от погруженности сознания в тот или иной слой языковой реальности. В любом языке имеется некий сакральный пласт, срез или оболочка, который иногда перестает ощущаться.

Не следует полагать, будто мифическое, сакральное — эти «символические домены» — всецело остались в пространстве Средневековья, уступив место «знаковым доменам» Нового времени. Безусловно, изменились способы настройки оптики, изменилась конфигурация видения и поменялись порог и вариативность чувствительности, но, по данным социологов, до половины опрошенных сообщают о пережитом мистическом опыте. Существует маргинальная лингвистическая гипотеза, на которую ссылался В.Ю. Сухачев в своем докладе о языке (на тематическом семинаре на философском факультете СПбГУ в 2013 году) и которая предполагает, что изначально язык и все слова имели сакральный характер, но постепенно, «эволюционируя», язык обмирщается и утрачивает контактность с сакральными полями [21].

Символическое доступно не столько в языковой терминологической феноменальности, сколько в способах, каким язык формирует опыт высказывания или «сказывания». Здесь уже имеет место иная интересубъективная практика — мифопоэтическая.

Если чтение детектива (не «Преступление и наказание», конечно, имеется в виду) — это знаковое измерение, где переживание длится в актуальном, забывается после закрытия книги и измеряется полученным удовольствием от чтения, то чтение Библии для христианина, Корана для мусульманина — это то, что выстраивает «арматуру» их жизни. И это два совершенно несоизмеримых опыта.

Символическое лишено однозначности, но в то же время абсолютно точно, хотя символ не дает однозначного решения для действий в номинативном слое бытия. Это такое интенсивное образование, которое сообщает импульс, у которого расходящиеся формы поведения, но в очень жестко заданных impetus рамками. В противном случае «нами будет играть дьявол» (Лютер). В этом смысле символизмы потрясающе точны, потому что все они обладают экзистентностью, все они инвестируются непосредственно в жизнь.

Экзистенциальный срез символического определяется Лаканом: «...все они (символы) относятся непосредственно к собственному телу, к отношениям родства, к рождению, к жизни и к смерти...» [8, с. 64].

Именно здесь выражено существенное свойство символического — соединение, связывание, переплетение животного и культурного, священного и профанного. Тело всегда друг сомнительный. Родственник — это тот, кто разделяет мою жизнь, смерть, — это исключительно индивидуальное «предприятие» и последняя «любовь» всей жизни. Все эти территории абсолютно не тематизируются в рациональном, дискурсивном режиме без потерь «красоты», интенсивности, «реальности».

Мы *можем* инвестировать символы в свою жизнь и мы *обязаны* в символы инвестировать свою жизнь. Если «Я» инвестирует в себя символические стратегии нации, то нация будет определять «мое Я».

Если время нам сообщает, что сейчас 2015 год, то это значит, мы все «христиане» в пространстве цивилизации, поскольку отчет этой линейной исторической размерности начинается с вполне определенного сакрального события, которое разворачивает интенсивное поле имманентности. И если мы индексировали, номинализовали на уровне обыденности данное понимание, то, например, для индуса, иудея или для буддиста время не обладает такой же номинативной определенностью, как для европейца, а значит, иные определенности будут и у истории в этом случае, следовательно, и у неба, и у земли будут совершенно другие размерности.

В этом смысле именно символическое — это мощнейшая машина учреждения мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Rorty R.M.** Introduction // The Linguistic turn: essays in philosophical method. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. Pp. 1–39.
2. **Лосев А.Ф.** История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979.
3. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина, перераб. А.А. Холодовичем // Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
4. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика / пер. с фр. Ю.Н. Караулова. М.: Прогресс, 1974.
5. **Евангелие** на разных языках с русской транскрипцией. Евангелие от Иоанна. URL: <http://azbyka.ru/paskha/paskhalnoe-zachalo-na-gaznykh-jazykakh.shtml> (дата обращения: 17.07.2015).
6. **Гадамер Г.-Г.** Истина и метод // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 43–59.
7. **Леви-Стросс К.** Структурная антропология / пер. с фр. В.В. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
8. **Лакан Ж.** Функция и поле речи и языка в психоанализе / пер. с фр. А.К. Черноглазова. М.: Гнозис, 1995.
9. **Хайдеггер М.** Язык. СПб., 1991.
10. **Кант И.** Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994.
11. **Лютер М.** Свобода христианина // Избр. произв. / пер. с нем. К. Комарова. СПб., 1994. С. 17–54.
12. **Иванова А.С.** Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях // Вопросы философии. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=809&Itemid=52 (дата обращения: 17.07.2015).
13. **Ogden C.K., Richards I.A.** The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism. University of Cambridge: Magdalene College, 1923.
14. **Skinner B.F.** Science and human behavior. N. Y.: Macmillan, 1953.
15. **Беньямин В.** Бодлер. М.: Ad Marginem, 2015.
16. **Гумбольдт В. фон.** Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
17. **Фихте И.Г.** Речи к немецкой нации / пер. с нем. А.А. Иваненко. СПб.: Наука, 2009.
18. **Кант И.** Философское наследие // Соч. В 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 1966.
19. **Гуссерль Э.** Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001.
20. **Husserl E.** Cartesian Meditations, The Hague. 1970.
21. **Сухачев В.Ю.** Доклад «От чтения к логосу» на тематическом семинаре «Чтение и книга» // Центр изучения культуры философского факультета СПбГУ. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=xIUa3S0eF7I> (дата обращения: 11.03.2013).

МЕЛЬНИЧЕНКО Алексей Анатольевич — старший преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

e-mail: ntv-human@spbstu.ru

A.A. Melnichenko

INTERSUBJECTIVE INSTITUTIONALIZATION OF LEBENSWELT

Develops socio-phenomenological approach to the study of intersubjective practices. The semantic layers of the communicative reality of the society being hidden in the everyday language of habitual use are studying. Having considered the drafts of philosophy of language and the linguistic turn in the investigation of contemporary philosophy. Having identified the conceptual tools of ontological, existential and semiotic scripts of the life-world institution. Specificity ontological conceptual layer of language is associated with the expression of the Logos as the unity of thought and being; nominative layer of specificity of language — with demonstrative affective-emotive procedures, motivating the actual impulsive reaction. Specificity of the symbolic conceptual layer is associated with the synthesis of the pre-reality and the evidence in the individual consciousness. Stealing is emphasized in the side of the symbolic discursive practice pertaining to

sacred slices of everyday experience. Highlighted the problem of the semiotic phenomenality that fixes one-sidedness of the nominative and lack of the noemative layers of discourse in constructing of the Lebenswelt. It is shown that the symbolic layer of reality requires a special analysis scenarios.

LEBENSWELT; INTERSUBJECTIVE PRACTICE; SOCIETY; COMMUNICATIVE REALITY; LANGUAGE; SYMBOLIC; CONSTRUCTION OF CONSCIOUSNESS; GIVING MEANING METHODS.

REFERENCES

1. Rorty R.M. Introduction. *The Linguistic turn: essays in philosophical method*. Chicago, The University of Chicago Press, 1992. Pp. 1–39.
2. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Ranniye ellinizm*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. (In Russ.)
3. Sosyur F. de. *Kurs obshchey lingvistiki. Trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow, Progress Publ., 1977. (In Russ.)
4. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika*. Moscow, Progress, 1974. (In Russ.)
5. Yevangeliye na raznykh yazykakh s russkoy transkriptsiyey. Yevangeliye ot Ioanna. Available at: <http://azbyka.ru/paskha/paskhalnoe-zachalo-na-raznykh-jazykakh.shtml> (accessed 17.07.2015).
6. Gadamer G.-G. *Istina i metod. Aktualnost' prekrasnogo*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. Pp. 43–59. (In Russ.)
7. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya*. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2001. (In Russ.)
8. Lakan Zh. *Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhooanalize*. Moscow, Gnozis, 1995. (In Russ.)
9. Khaydegger M. *Yazyk*. St. Petersburg, 1991. (In Russ.)
10. Kant I. *Kritika chistogo razuma*. Moscow, Mysl' Publ., 1994. (In Russ.)
11. Lyuter M. *Svoboda khristianina [Selected works]*. St. Petersburg, 1994. Pp. 17–54. (In Russ.)
12. Ivanova A.S. *Nachala "ideologii": Antuan Destyut de Trasi i yego nauka ob ideyakh. Voprosy filosofii*. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=809&Itemid=52 (accessed 17.07.2015).
13. Ogden C.K., Richards I.A. *The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*. University of Cambridge, Magdalene College, 1923.
14. Skinner B.F. *Science and human behavior*. New York, Macmillan, 1953.
15. Benyamin V. *Bodler*. Moscow, Ad Marginem, 2015. (In Russ.)
16. Gumboldt V. fon. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow, 1984. (In Russ.)
17. Fikhte I.G. *Rech' k nemetskoj natsii*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. (In Russ.)
18. Kant I. *Filosofskoye naslediyе [Works]*. In 6 vol. Of vol. 5. Moscow, Mysl' Publ., 1966. (In Russ.)
19. Gusserl E. *Kartezianskiye razmyshleniya*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. (In Russ.)
20. Husserl Ye. *Cartesian Meditations*, The Hague. 1970.
21. Sukhachev V.Yu. *Doklad "Ot chteniya k logosu" na tematicheskom seminare "Chteniye i kniga". Tsentralizirovannaya kulturnaya filosofskogo fakulteta SPbGU*. Available at: <http://www.youtube.com/watch?v=xIUa3S0eF7I> (accessed 11.03.2013).

MELNICHENKO Aleksey A. — *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University*.

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia

e-mail: ntv-human@spbstu.ru